

Источник: Первое сентября
Дата выпуска: 04.03.2003
Номер выпуска: 16
Заглавие: Барашки изо льда

Таганрог - город, уникальный во многом. Хотя бы в том, что здесь зимой можно увидеть редкостное зрелище - замерзшее море. То есть море как море - широкое, безбрежное, даже с барашками. Но только вот замерзшее. Барашки изо льда. Поднимаясь все выше и выше над ним, постепенно забываешь об этом эффекте. И лишь когда подует ветер - сильный и холодный, - вспомнишь вдруг о том, что это ветер с замерзшего моря.

Петровская улица.

Петровская (бывшая Ленина) - главная улица города. Естественно начать прогулку именно с осмотра ее достопримечательностей. Тем не менее есть смысл перед этим осмотреть памятник Петру Первому, стоящий на откосе над заливом.

Автор его - скульптор М. М. Антокольский. Антон Павлович Чехов, будучи в Италии, с ним познакомился и там же уговорил мэтра выполнить заказ для неизвестного Марку Матвеевичу Таганрога. Работал он над статуей там же, в Италии. При этом постоянно посылал в Россию письма приблизительно такого плана: "Пожалуйста, узнайте хорошенько, носил ли Петр плащ? Пришлите мне те эстампы, которые сделаны с петровских монет".

Памятник открывали дважды. Первый раз в 1903 году, после чего в двадцатые его сослали в музей Чехова. Второе же открытие пришлось на 1943 год, на время гитлеровской оккупации. Фашисты в знак того, что чтут, в отличие от лидеров советской власти, русскую культуру, вытащили памятник из заточения и вновь его торжественно открыли. Разве что во время церемонии на флагах были не державные двуглавые орлы, а свастики. Окончилась эта отчасти дьявольская церемония чтением "Дело было под Полтавой" в исполнении артиста из театра "Бунте Бюне" и парадом городского полицейского отряда.

От памятника можно выйти на одну из старых улиц городского центра - Греческую (бывшую улицу III Интернационала). Внешне начисто лишённая какого-либо пафоса, немножко даже деревенская (дома скорее не дома, а домики, даже избышки), она, тем не менее, накрепко вписана не только в прошлое города Таганрога, но и в общероссийскую культуру и историю. В домике на углу с Комсомольским бульваром (Комсомольский бульвар, 43) проживал отец Федор Покровский, законоучитель гимназии. Именно он придумал Чехову смешную кличку Чехонте, впоследствии ставшую псевдонимом.

Далее по Греческой, в одноэтажном доме N 40, жил император Александр I <см. страницу 4>. Еще дальше, в доме N 54, находилась греческая церковноприходская школа, в которую определили шестилетнего Антона Чехова. Его брат Михаил вспоминал: "Сливки общества в тогдашнем Таганроге составляли богатые греки, которые сорили деньгами и корчили из себя аристократов, и у отца составилось твердое убеждение, что надо пустить детей именно по греческой линии и дать им возможность закончить образование даже в Афинском университете".

Впрочем, с греками у Чехова не задалось, и юношу определили в таганрогскую гимназию <см. страницу 3>.

Рядышком в доме N 56 останавливался Петр Ильич Чайковский (здесь сейчас библиотека и музей) <см. страницу 3>. А за ним так называемая "каменка" - так таганрожцы называют каменную лестницу, спускающуюся к заливу.

Павел Свинын писал о ней: "Лестница идет прямо в Греческую улицу, и наверху ее сделана площадка вроде открытой террасы славками... невольным образом отдыхаешь здесь лишние полчаса, ибо вид на рейде, особенно к вечеру, когда возвращаются лодки каботажные и замелькают огоньки в каютах, ни с чем не сравним".

Что ж, море в Таганроге не всегда замерзшее.

Отсюда можно выйти на Петровскую. Публицист В.Я.Светлов писал о ней: "На этой улице лучшие магазины города, в общем, однако, очень неважные; театр, не представляющий собою снаружи ничего интересного и довольно красиво отделанный внутри; зимою в нем играет иногда драматическая, иногда опереточная труппа, в зависимости от антрепренера, которому сдан на данный сезон театр. Труппы плоховаты, совершенно невозможны; осенью и весной наезжают гастролеры".

Что ж, с тех пор многое изменилось. Магазины, например, стали вполне приемлемыми.

Первая достопримечательность по улице (дом N 64) - гостиница "Бристоль". Правда, в документах и на сайтах в Интернете она до сих пор значится как "Центральная", но над входом уже вывешен чугунный козырек с броским названием английского графства. Впечатление от этой роскоши несколько смазывает мемориальная доска с текстами сразу на двух языках - русском и украинском: "В этом здании 19-20 апреля 1918 Года состоялось партийное совещание большевиков Украины, которое признало необходимым созвать съезд большевистских организаций Украины и образовать Коммунистическую партию большевиков Украины".

Что поделать, и впрямь состоялось. Из песни же слова не выкинешь.

Вообще улица Петровская была не только лишь коммерческим, но и культурным центром города. Например, в доме N 82 до революции располагалось первое в Таганроге фотоателье Семена Исаковича (в нем начинал свою карьеру знаменитый пейзажист Архип Иванович Куинджи).

А дальше, в доме N 90, - драматический театр. Здесь и вправду не было собственной труппы, зато гастролировали такие знаменитости, как В. Н. Андреев-Бурлюк, М. М. Блюменталь-Тамарина, А. Я. Глама-Мещерская, М. Т. Иванов-Козельский, Н. П. Рошин-Инсаров, Н. И. Соболешиков-Самарин и прочие кумиры публики с фамилиями через черточку.

Впрочем, иной раз иной творческий коллектив задерживался на городской сцене. Члены подобных коллективов были персонажи колоритные. Вот, например, описание труппы 30-40-х годов позапрошлого столетия: "Режиссером был некто Кочевский, игравший первые роли в трагедиях и комедиях, в опере же и водевилях он был не так оригинален от 'неумения петь арии и куплеты. Таким образом одни и те же артисты принуждены были играть в драме и петь в опере. За Кочевским следовали: Маркс, с замечательным артистическим талантом в комическом роде; Дорошенко, игравший светских людей, любовников, денди; Михайлов, хороший в глуповатых ролях, но в трагедиях и драмах он до того, в самых лучших местах, иступляется, что неистовыми выкриками монологов приводит публику в апатичное состояние.

Далее идут Дрейхис, лучший комический актер, особенно в малороссийских вещах; Петровский, заслуженный актер на роль трагических стариков, воевод, министров, но по дряхлости лет память его ослабевает и язык начинает пришептывать; Мачихин, таланта посредственного на ролях рассудочных отцов...

Из артисток можно отметить госпожу Кочевскую... только она редко является на сцене, оттого что серьезные пьесы мало играют в этом театре, а в водевилях очень мало достойных ролей".

Естественно, что театральное начальство не ограничивалось выявлением более-менее удачных ампула, а с практичностью, присущей жителям коммерческого города, заставляло господ артистов подписывать строгие правила. К примеру, такие:

"Бенефициант обязан представить новую от себя пьесу, которой как текст, так и музыка обращается в собственность театра, ему же представляется право списать, для себя копию. Выбор пьесы доставляется на волю бенефицианта, но не иначе как с дозволения и своевременного рассмотрения Дирекциею".

"Никто из артистов не должен отказываться от назначенной ему роли в бенефисной пьесе в чью бы пользу бенефис не давался, лишь бы роль соответствовала ампула. Всякое

отрицательство от сего вменится актеру или актрисе в преступление, и виновные подвергаются строгому взысканию".

"Актер и актриса, вступившие в Таганрогскую труппу, обязаны:

- Неупустительно являться в назначенный режиссером или Дирекцией час к репетициям и представлениям...

- Всегда знать роль...

- Опрятно и прилично одеваться не только на сцену в ролях... но и вне театра...

- Наблюдать всегда скромное и вежливое обращение не только с начальствующими лицами, но и между собою".

Технология процесса была, можно сказать, совершенна.

В доме № 96 находится еще одно культурное учреждение - библиотека имени Антона Павловича Чехова <см. страницу 3>. А в самом конце улицы - городской сад.

Один из жителей города вспоминал, как выглядел он в середине позапрошлого столетия: "Таганрогский прекрасный, редкостный, можно сказать, городской сад, в котором гимназисты устраивали свои конспирации, собрания, собирались по вечерам, совещались по поводу предстоящих экзаменов. Прекрасный городской сад вообще занимал в нашей жизни немалое место. Несмотря на то, что Таганрог вообще не беден растительностью - в нем много обширных дворов и садов, - а большая часть улиц по обеим сторонам обсажены в два ряда тенистыми деревьями, настолько разросшимися, что закрывают дома и представляют собой прекрасные аллеи из белой акации и тополей, проходя по которым чувствуешь себя как бы идущим в тенистом саду, - все же городской сад манит к себе, и с ранней весны и до поздней осени мы чуть ли не каждый день посещали его. Он обширен, тенист и привлекателен своей прохладой, своим покоем... Вход в сад стоил пятак. Деньга небольшая, но, увы, в кармане у нас в ту пору не всегда звенел лишний пятак, а потому мы предпочитали лазать в "дырку".

В саду была прекрасная тенистая уединенная аллея, обсаженная старыми деревьями и белой акацией, называвшаяся "Гимназической".

Другой же наблюдатель писал об этой достопримечательности столетие назад: "Есть еще городской сад, расположенный на той же Петровской улице, спускающийся террасами к морю, тенистый, довольно обширный и хорошо содержимый, но он производит впечатление котловины и довольно сыроват по вечерам. Летом здесь играет прекрасный, хотя и небольшой оркестр музыки под управлением даровитого капельмейстера г. Молла, молодого обрусевшего итальянца, уроженца города! Он прекрасно поставил оркестр, влачивший до него жалкое существование, и главная его заслуга в том, что он знакомит публику с выдающимися произведениями европейской и русской музыки, для чего ежедневно устраивает симфонические вечера, посещаемые весьма охотно. За крайне дешевую плату - 7 коп. даже бедный житель города может провести вечер в саду, отдышаться от дневного зноя и послушать образцовые произведения в прекрасном исполнении энергичного и талантливого дирижера".

В городской прессе то и дело появлялись сообщения, касающиеся "садовой музыки": "В воскресенье 26 мая в городском саду состоялось открытие летнего театра концертом певицы миланской оперы Сары Сабини и гг. Молла, Сысоева и Дубинина. Особый успех выпал на долю трио, исполнившего последними четыре романса из оперы "Евгений Онегин".

Или: "Говорят, что в непродолжительном времени в городском саду состоится бенефис в пользу оркестра. В течение настоящего сезона оркестр г. Молла доставлял так много эстетических наслаждений публике, что, надо полагать, последняя с удовольствием посетит предполагаемый бенефис".

Не забывали и об общепите. Вот отрывок из рекламного уведомления: "Имею честь объявить, что, арендовав буфет в здешнем городском саду и желая доставить публике удовольствие слушать хорошую музыку и возможность пользоваться чисто и вкусно приготовленным столом, я договорил здешний оперный оркестр, который будет играть по вечерам".

Правда, Антон Павлович Чехов не испытывал особенной симпатии к садовым развлечениям. Один из современников писал о посещении Чеховым Таганрога: "В городском саду Антон Павлович уселся в стороне и смотрел на гуляющих.

- Ни одного знакомого. Все новые люди, - говорил он, - а между тем, все по-прежнему. И тот же круг, и так же ходят вокруг музыкальной эстрады и молчат, и скучают. Все до мелочей осталось, как было в мое время, когда я бегал сюда гимназистом".

Впрочем, писатель вообще весьма критически относился к своему родному городу.

Улица Фрунзе

Следующая улица по сей день носит имя Фрунзе (было бы, пожалуй, странно возвращать ей историческое имя - Николаевская). Ее, пожалуй, можно полагать самой типичной таганрогской улицей. Во всяком случае, на ней в равных пропорциях сосредоточились практически все составляющие жизни города.

Начинается она с Базарной, а сейчас - Октябрьской площади. А первая достопримечательность - дом N 10. Здесь родилась и провела свое детство Фаина Раневская. Актриса писала о впечатлениях раннего детства: "Я вижу двор, узкий и длинный, мощный булыжником. Во дворе сидит на цепи лохматая собака по прозвищу Букет. Букет всегда плачет и гремит цепью. В черном небе - белые звезды, от них светло. И мне видно из окна, как со двора волокут нашу лошадь. Кучер говорит, что лошадь подохла от старости и что тащат ее на живодерню".

Другое впечатление еще более яркое: "Я стою в детской на подоконнике и смотрю в окно дома напротив. Нас разделяет узкая улица, и потому мне хорошо видно все, что там происходит.

Там танцуют, смеются, визжат. Это бал в офицерском собрании... Там чужие, они мне не нравятся, но я смотрю на них с интересом".

Там же, в доме по улице Фрунзе, Фаина Георгиевна впервые столкнулась с настоящим искусством: "Приходил в гости к старшей сестре гимназист - читал ей стихи, флиртовал. Читал наизусть. Чтение повергало меня в трепет. Гимназист вращал глазами, взвизгивал, рычал тигром, топал ногами, рвал на себе волосы, ломая руки. Стихи назывались "Белое покрывало". Кончалось чтение словами: "...так могла солгать лишь мать". Гимназист зарыдал. Я была в экстазе".

Несколько далее - дом N 22, одно из многочисленных чеховских мест города Таганрога. Здесь жил гимназический товарищ Чехова, Андрюша Дросси. Они устраивали в небольшом особнячке довольно популярные в те времена домашние спектакли.

Напротив - скромненький дом N 21. Он, пусть и косвенно, вошел в поэзию. Здесь проживал предприниматель Амира, грек по национальности, вошедший в популярную греческую дразнилку:

*Приехали Алфераки
И привезли печеные раки.
Приехало Аверьино
И привезло с собой вино.
Приехали Скуфали,
И появились кефали.
Образовался Амира
И закричал "Ура".
А как наехало Попандопуло,
Так все полопало.*

В доме N 31, напоминающем затейливую яркую игрушку, долгое время проживала династия торговцев Сычевых. Содной стороны от их двери значилось: "Сигары, папиросы, гильзы, бумага", а с другой - "Чай, сахар, кофе, какао, хлеб". В газетах же время от времени встречались объявления: "От магазина М. Сычева. Имею честь довести до сведения покупателей, что на днях получена большая партия мануфактурных товаров, как-то: шелковые, шерстяные материи, бурнусы, кофты, ситцы, ланкорт и прочие полотна".

Неподалеку от сычевской лавочки - дом N 39, водолечебница Давида Гордона. Ее реклама встречалась далеко за пределами города: "Санатория и водолечебница под управлением Д.М.Гордона. Открыты круглый год. Мягкий приморский климат. Усовершенствованное оборудование. Лечение всеми методами, режимом и диетой больных нервных, обмена и прочих хронических. 20 комфортабельно обставленных комнат от 15 рублей в месяц при полном пансионе. Центральное водяное отопление с вытяжной вентиляцией, электрическое освещение. Два врача. Летом - кумыс, минеральные воды, теннис, зимой - каток, бильярд. Проспекты бесплатно".

Здесь же находился и ларек с оздоровительной продукцией. На ларьке было написано: "Кумыс. Кефир. Мороженое. Фруктовые воды. Чанышев". Чанышев - разумеется, фамилия владельца этого ларька.

Рядышком с водолечебницей - роскошный дворец Алфераки, впоследствии переделанный под Коммерческий клуб <см. страницу 3>. А на противоположной стороне улицы - дом N 80, в котором размещается довольно симпатичный музей "Градостроительство и быт города Таганрога". Это памятник архитектуры, многие исследователи считают, что построил его Федор Шехтель. Так это или не так - история умалчивает. Во всяком случае, особнячок здорово смахивает на московский Ярославский вокзал работы именно Федора Осиповича.

Таганрогский же вокзал находится в конце улицы Фрунзе. Его открытие было сенсацией, и Александр Павлович Чехов вспоминал: "В Таганрог провели железную дорогу, и торговые порядки в нем, естественно, изменились. Гужевая доставка зернового хлеба на волах сразу значительно сократилась. На окраине города вырос каменный вокзал. Подле вокзала сейчас же образовался на площади маленький базар, а ближайšie к этому месту домовладельцы переделали свои деревянные сарайчики под торговые помещения, в которых открылись кабаки - бок о бок и нисколько не боясь конкуренции. Теперь весь этот торговый люд стал рассчитывать уже не на мужика-чумака, а на пассажира".

А Антон Павлович раскрыл в своем письме к Суворину одну подробность проведения "железки" - вполне в духе города и улицы Фрунзе: "Вокзал строился в пяти верстах от города. Говорили, что инженеры за то, чтобы дорога подходила к самому городу, просили взятку в пятьдесят тысяч, а городское управление соглашалось дать только сорок; разошлись в десяти тысячах, и теперь горожане раскаивались, так как предстояло проводить до вокзала шоссе, которое в смете обходилось дороже".

Улица Чехова

Так уж сложилось, что именно бывшая Полицейская улица более прочих связана с жизнью известнейшего таганрогского уроженца. Практически весь центр города связан с именем Антона Павловича Чехова, но здесь - особенная концентрация. То и дело встречаются мемориальные доски: здесь жил прототип такого-то рассказа, здесь - такого-то.

Впрочем, как раз самая первая из достопримечательностей с ним не связана никоим образом. Это - бывшая женская гимназия, дом N 22. Один из современников с гордостью замечал: "В женской гимназии преподаются: гигиена, подание первой помощи в несчастных случаях, латинский язык и бухгалтерия для желающих. Насколько же мне известно, в других женских гимназиях России не существует этих добавочных и полезных предметов".

Здание же, в котором размещалась женская гимназия, по сей день впечатляет таганрожцев и приезжих путешественников, и уж, во всяком случае, оно гораздо респектабельнее, нежели здание мужской гимназии.

Сам же Антон Павлович Чехов появился на свет в маленьком домике N 69. В те времена никто и не догадывался, что в этой избушке растет будущий писатель. Зато пользовался небывалой известностью его отец, Павел Егорович, мелкий торговец. Правда, известность та была какая-то курьезная.

- Однажды, например, Павел Егорович вошел в дом с озабоченным лицом и сообщил:
- Экая, подумаешь, беда: в баке с деревянным маслом нынче ночью крыса утонула.
 - Тьфу, гадость какая, - ответила ему жена.

- А в баке масла более двадцати пудов. Забыли на ночь закрыть крышку - она, подлая, и попала. Пришли сегодня в лавку, а она и плавает сверху.

Жена ответила:

- Ты уж, пожалуйста, Павел Егорович, не отпускай этого масла нам для стола. Я его и в рот не возьму, и обедать не стану. Ты знаешь, как я брезглива.

Но инцидент на этом не закончился. Павел Егорович все размышлял, что делать с этим маслом. Выливать вроде жалко. Продавать после крысы - нечестно. Наконец выход был найден - нужно устроить над маслом публичный молебен, после чего пускать в ход. Посланец Чехова-отца ходил по домам постоянных покупателей и в соответствии с его инструкциями говорил:

- Кланялись вам Павел Егорович и просили пожаловать в воскресенье в лавку. Будет освящение деревянного масла.

- Что за освящение? - не понимал обыватель. - Какого масла?

- В масло дохлая крыса попала, - разъяснял посланец.

- И вы его продавать будете? - свирепел обыватель.

Вопреки здравому смыслу освящение все-таки состоялось. Этот обряд довольно живо описал Александр Павлович Чехов: "О. Федор покосился на обстановку и в особенности на миску с маслом, облачился и начал служить молебен. Павел Егорович вместе с детьми пел и дирижировал важно и прочувствованно... В конце молебна о. протоиерей прочел очистительную молитву, отломил кусочек хлеба, обмакнул в миску и съел с видимым отвращением. Освященное и очищенное масло торжественно вылили в бак и даже взболтали, а затем гостеприимный хозяин пригласил всех к закуске... По окончании торжества все разошлись и разъехались, и с этого момента, к величайшему удивлению и недоумению Павла Егоровича, торговля сразу упала, а на деревянное масло спрос прекратился совсем".

Неподалеку, в доме N 73, жил Александр Федорович Дьяконов, с которого был списан "Человек в футляре". А по соседству (N 75) располагался дом купца Марка Вальяно, на месте которого впоследствии выстроили восьмиклассное техническое училище. Колоритный господин Вальяно тоже вполне мог оказывать влияние на будущее чеховское творчество.

Впрочем, эту улицу можно считать писательской не только лишь благодаря Антону Павловичу. Здесь в доме N 82 жил поэт Николай Щербина, а в доме N 88 - писатель Иван Василенко.

Ближе к концу улицы располагалось одно из многочисленных благотворительных учреждений города - так называемые "ясли", приют для брошенных детей (дом N 96). Дети оставались в приюте до четырехлетнего возраста, после чего поступали в другой приют - уже так называемый Детский.

И совсем рядом с яслями действует один из колоритнейших музеев города, так называемая "Лавка Чеховых" <см. страницу 1>. Это достойнейшее завершение нашей прогулки.